

В поисках «потерянных геноцидов»

В ряде стран Восточной Европы, возникших после 1989 года, правительства конструируют исторический нарратив, в котором центральное место занимает геноцид и представление своего народа как жертвы

Евгений Финкель¹

В июне 2007 года Европейский союз столкнулся с беспрецедентным кризисом: Польша пригрозила заблокировать предложение Германии, которое могло бы помочь выйти из тупика, связанного с неудачными попытками ратификации европейской Конституции. Некоторые страны прибыли на встречу ЕС на высшем уровне в Брюсселе со своими требованиями и оговорками, но польский демарш стал явным нарушением принятых правил политического торга в ЕС. Польша, присоединившаяся к ЕС только в 2004 году, настаивала на исправлении предложенной новой формулы голосования в ЕС, основанной на численности населения: польские представители утверждали, что эта формула ставит их страну в невыгодное положение из-за огромных потерь, понесенных ею во время Второй мировой войны. «Если бы Польше не пришлось пережить 1939–1945 годы, то, согласно демографическим закономерностям, сегодня она была бы страной с 66-миллионным населением. <...> Мы требуем только, чтобы нам вернули то, что у нас отняли», — заявил премьер-министр Польши Ярослав Качиньский².

В феврале 2009 года группа азербайджанских хакеров под названием *Azerbaijan*

Defacers («азербайджанские разрушители») атаковала сайт Министерства финансов Армении и официальный сайт отделившейся от Азербайджана Нагорно-Карабахской Республики. На взломанных сайтах хакеры оставляли лозунг «Геноцид, совершенный в Ходжалы³, никогда не будет забыт!», а также другую информацию о том, что Азербайджан называет геноцидом своего народа, совершенным армянами⁴. В Южной Осетии молодая местная женщина Эльмира Козаева назвала своего новорожденного сына Геноцидом в память о тех событиях, которые осетины и их российские союзники считают геноцидом, творимым Грузией в отношении осетин в течение всего XX и начала XXI века. Как сообщают российские СМИ, решение Козаевой побудило еще нескольких осетин назвать своих детей так же: мальчиков — Геноцид, девочек — Геноцида⁵.

В мае 2009 года в России была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России⁶. Президент России Дмитрий Медведев заявил, что попытки фальсификации истории становятся «все более явными, злонамеренными и агрессивными»⁷ и эта новая комиссия должна противодействовать таким фальсификациям. Как ни странно, среди членов комиссии очень мало историков, но зато очень много людей, которые, по-видимому, знают, как про-

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ЕВГЕНИЯ ФИНКЕЛЯ (EVGENY FINKEL) "IN SEARCH OF LOST GENOCIDE: HISTORICAL POLICY AND INTERNATIONAL POLITICS IN POST-1989 EASTERN EUROPE", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ GLOBAL SOCIETY (VOL. 24, ISSUE 1, 2010, P. 51–70) © 2010, TAYLOR & FRANCIS LTD. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ TAYLOR & FRANCIS LTD (HTTP://WWW.INFORMAWORLD.COM).

тиводействовать искажению истории, таких как начальник Генерального штаба ВС России и высшие офицеры внутренних и внешних служб безопасности.

Все это примеры «исторических войн», характерных для стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) после 1989 года, последствия которых для внутренней политики этих стран и для международных отношений на сегодняшний день недостаточно изучены. Я утверждаю, что после 1989 года страны ЦВЕ и в особенности территория бывшего СССР стали зоной, где постоянно, то там, то сям, ведется «поиск потерянного геноцида». Вопрос о том, следует ли на самом деле считать геноцидом убийства и репрессии, о которых говорят официальные политические власти и пишут местные историки, выходит за рамки данной статьи. Я также не буду обсуждать здесь хорошо известные случаи геноцида, такие как Холокост и геноцид армян. Цель данной работы — обсудить, почему государства после 1989 года стремятся представить свои прошлые страдания как геноцид, а также показать, как подобная политика влияет на международное общественное мнение. Я начну с краткого анализа роли истории в посткоммунистическом транзите, а затем опишу несколько случаев «поиска потерянного геноцида» в Азербайджане, Грузии (Абхазия и Южная Осетия), государствах Балтии (Эстония, Латвия и Литва) и Украине, уделив особое внимание международным последствиям этого феномена.

Историческая политика после 1989 года

Важность истории, исторических мифов, национальной идентичности и толкований исторических фактов для построения государства признается большинством специалистов по сравнительной политике, национализму и международным отношениям. Однако в исследованиях переходных трансформаций и демократизации после 1989 года

преобладают соображения, связанные с рациональным выбором, институционализмом и характером элит⁸. Недостаточное внимание к вышеуказанным темам в литературе по общественным наукам можно объяснять разными причинами. Так, Тарас Кузио утверждает, что поскольку «в транзитологии обычно молчаливо предполагалось, что посткоммунистический переход будет следовать модели более ранних переходов, имевших место в Южной Европе и Латинской Америке», где проблемы государственного статуса и государственного строительства не играли заметной роли, в исследованиях постсоветского мира этим проблемам тоже уделялось мало внимания⁹. Кроме того, необходимо учитывать также особенности самого региона. Как утверждает Джордж Шопфлин, одна из особенностей центральноевропейской идентичности — это морализаторский и «историзирующий» подход к политике; Кэтрин Вердери пишет о «постсоциалистической некрофилии» — особенному вниманию к политически значимым трупам; Уилфрид Джилдж отмечает феномен «соствязания в численности жертв», распространенный среди посткоммунистических элит¹⁰. Кроме того, если «центральным элементом коллективной западноевропейской памяти является Холокост, в бывших коммунистических странах существует тенденция вытеснять Холокост, помещая на центральное место память о своих национальных жертвах»¹¹.

Во многих государствах ЦВЕ и бывшего Советского Союза одной из особенностей такого подхода к истории и политике является активное и скоординированное участие политических элит в создании нужных им исторических мифов и нарративов. Последние становятся мощным инструментом строительства государства: они обеспечивают государству внутреннюю и внешнюю легитимность, объединяют и мобилизуют общество. Такие скоординированные усилия

в сфере исторического мифотворчества были точно обозначены польским ученым и советником президента Качиньского Мареком Чихоцким как «историческая политика» (*polityka historyczna*)¹². По его определению, «историческая политика» представляет собой «непрерывное стимулирование обсуждения прошлого посредством различных форм его институционализации». По мнению Чихоцкого, у исторической политики много аспектов, но основной тезис таков: «Мы не можем оставить историю историкам, и память должна оставаться живой субстанци-

сах, таких как убийство тысяч польских военнопленных советским НКВД в Катыни в 1940 году. Однако наряду с убийствами в Катыни и потерями, понесенными Польшей во время нацистской оккупации, есть трагедии и темы, которые, по соображениям политической целесообразности, преднамеренно исключаются из проекта исторической политики. Так, например, этническая чистка с уничтожением тысяч польских гражданских лиц украинскими националистами (Волынская резня) редко становится предметом серьезных политических дискуссий.

“Участие политических элит в создании нужных им исторических мифов обеспечивает государству легитимность, объединяет и мобилизует общество”.

ей любой политики»¹³. «Политика в отношении прошлого» является, по существу, «политикой в отношении настоящего»¹⁴.

В Польше, где родился термин «историческая политика», наиболее ярким ее проявлением является деятельность Института национальной памяти (ИНП) и Комиссии по расследованию преступлений против польского народа. Это мощные инструменты внутренней политики, хотя следует отметить, что ИНП был создан в 2000 году, еще до того, как был четко определен термин «историческая политика». Подобные институты и организации были созданы и в других государствах ЦВЕ, таких как Словакия, Чехия и Украина. На политическом уровне проект исторической политики, который часто связывают с партией братьев Качиньских «Право и Справедливость» (*Prawo I Sprawiedliwość*), в предыдущие годы проявлялся в резких анти-немецких и антироссийских политических позициях польского правительства¹⁵. Еще одним проявлением исторической политики стало постоянное внимание к ожесточенным дискуссиям об острых исторических вопро-

Одним из основных, может быть, даже основным аспектом исторической политики является концентрация внимания на понесенных жертвах и перенесенных страданиях. Как отмечает Алексей Миллер, историческая политика вообще может проводиться только с позиции жертвы, поскольку она явным образом требует использования прошлых страданий не только как внутренней мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины»¹⁶ на международную арену. Подобный «экспорт» имеет целью обрести международную легитимность и мощный рычаг влияния, который затем можно использовать в ходе различных международных взаимодействий. В предельном случае концентрация на прошлых страданиях превращается в сотворение «национального Холокоста» — политики, широко используемой во многих посткоммунистических государствах, прежде всего в бывших республиках СССР.

На всем огромном пространстве от Эстонии на севере до Казахстана на юге вряд ли найдется страна, в которой власти или оппозиция не рассматривали бы всерьез

идею официального признания прошлых страданий как геноцида. В стремлении продемонстрировать, что исторический контекст в самом деле соответствует юридическому определению этого понятия, представленному в Конвенции ООН по предотвращению и наказанию геноцида, они нередко проявляют большую изобретательность. Следует еще раз подчеркнуть, что потери и трагедии, оцениваемые этими странами как геноцид, являются реальными, хотя не каждая такая трагедия подпадает под юридическое определение геноцида. Понятно, что историческая

геноцид, учиненный Советами и их еврейскими пособниками¹⁸. Кроме того, многие посткоммунистические страны и все бывшие республики СССР получили (или в некоторых случаях вернули себе) независимость лишь недавно, а, как показывает международная практика, для легитимации независимости гуманитарная трагедия, в частности геноцид, является сильнейшим аргументом¹⁹. Поскольку аргумент о геноциде обладает огромной моральной и юридической силой, политики нередко применяют этот термин без достаточных оснований и преувеличива-

“На внутригосударственном уровне официальное обозначение прошлых событий как геноцида часто углубляет раскол в обществе и ведет к еще большей поляризации”.

политика не обязательно требует сотворения «национального Холокоста»¹⁷: это всего лишь частный, хотя и крайний случай подчинения истории политике. Существует много способов реализации исторической политики и без создания постфактум мифов и нарративов о геноциде. Однако иногда бывает чрезвычайно трудно преодолеть искушение использовать такое сильнодействующее понятие для достижения политических целей.

Почему политики так упорно стремятся к тому, чтобы трагедии, пережитые их странами в прошлом, были признаны именно геноцидом? Ответ на этот вопрос связан с тем, какое место занимает понятие геноцида в современной политике, с его особой нормативной и практической ролью. Во-первых, превращение в жертву геноцида дает возможность не брать на себя ответственность за несправедливости и преступления, совершенные представителями «пострадавшей нации». Сотрудничество с нацистами и участие в Холокосте, согласно популярной ныне теории, были просто актами мести за

ют число жертв геноцида, пользуясь тем, что данное юридическое понятие имеет широкое и размытое значение.

Политическое и риторическое использование этого слова часто не имеет никакого отношения к научным определениям и спорам. В современном политическом дискурсе и отдельные политики, и целые группы обращаются к этому взрывоопасному термину при описании самых разных проблем, от СПИДа до рыночных реформ²⁰. И если «требование признать себя жертвой — это оружие слабого, то требования признать геноцид — это просто “серебряная пуля”»²¹. Группы сепаратистов, утверждает Брайан Гродски, могут использовать заявления о геноциде, чтобы подчеркнуть невозможность мирного сосуществования с государством, от которого они хотят отделиться²². Кроме того, даже после обретения независимости лидеры часто выдвигают аргумент геноцида: чтобы оправдать свое независимое существование, создать собственную национальную идентичность и исторический нарратив, которые сделают невозможным возвращение к прежнему поли-

тическому порядку²³. Однако чтобы стать эффективным политическим инструментом, такая трактовка должна быть не только воспринята и усвоена гражданами данной страны, но и признана другими странами²⁴.

Огромный стимул для того, чтобы представить прошлую трагедию как геноцид — это важные политические последствия такого признания, как внутренние, так и международные. На внутрисоциальном уровне официальное обозначение прошлых событий как геноцида часто углубляет раскол в обществе и ведет к еще большей поляризации. Кроме того, институционализация памяти вводит ограничения в сфере исторических исследований и политического дискурса. Официально санкционированные оценки исторических фактов могут использоваться (и часто используются) для дискредитации политических противников и объявления сторонников других взглядов или членов «не тех» групп врагами нации и прислужниками иностранных держав. Кроме того, вероятно, нет лучшего способа внедрить нужную концепцию трагедии, чем назвать ее геноцидом. В недавно возникших государствах воздействие таких установок особенно эффективно, поскольку «в стране без истории будущее выигрывает тот, кто формирует память, определяет понятия и интерпретирует прошлое»²⁵.

Проект исторической политики, в основе которого — конструирование нарратива о геноциде, не только формирует внутреннюю политику; он также может иметь серьезные последствия на международном уровне. Государства, которые утверждают, что пережили геноцид, прилагают значительные усилия, чтобы добиться международного признания своих трагедий. Для достижения этой цели они используют следующие стратегии, обращенные во внешний мир:

- добиваются, чтобы пережитый ими геноцид был подтвержден международными

организациями, такими как Организация Объединенных Наций, Европейский союз или Совет Европы;

- добиваются, чтобы геноцид был формально подтвержден иностранными государствами;
- ведут международные кампании, часто возглавляемые или поддерживаемые неправительственными организациями и группами диаспоры, по расширению глобального признания пережитого ими геноцида;
- инициируют судебные иски против предполагаемых преступников, как частных лиц, так и государств, во внутренних и международных судах.

Кроме того, даже когда попытки добиться признания геноцида заканчиваются неудачей, у международного сообщества все равно не остается выбора: заявления о геноциде приходится обсуждать, и тем самым они становятся неотъемлемой частью глобального контекста, связанного с данной страной. Следует также помнить, что «экспорт вины», в рамках которого конкретные события и политика представляются как геноцид, обычно вызывает резкую реакцию государства, обвиненного в совершении геноцида. В результате раскручивается спираль взаимных обвинений, дипломатических конфликтов и «сражений за прошлое», которые, вообще говоря, могут превращаться и в реальные войны.

«Постгеноциды» на постсоветском пространстве

Государства (и квазигосударства), расположенные на территории бывшего Советского Союза, можно разделить на две основных категории на основании того, как они используют понятие геноцида в представлении, признании и классификации трагедий прошлого²⁶. В одной группе государств перенесенные в прошлом страдания при-

знавались актом геноцида в официальном дискурсе, но это признание не имело практических последствий. Одно из таких государств — Казахстан. Как указывает Сара Кэмерон, в конце 1980-х годов казахские историки и демографы «обнаружили», или, точнее, им было разрешено обратить внимание на болезненную в политическом отношении тему голода 1930–1933 годов. К моменту обретения независимости и в начале 1990-х казахский голод стал предметом серьезных академических исследований: историки, демографы и политики широко

ных государствах и исходят как от членов правящих политических элит, так и от оппозиции. Например, исламская оппозиция в Узбекистане обвиняет правительство президента Ислама Каримова в геноциде в отношении местного мусульманского населения²⁸. В Молдове местные националисты обвиняют политические силы, требующие объединения с Румынией, в попытках развязать геноцид против крошечного нацменьшинства гагаузов²⁹. В Чечне и сепаратисты, и федеральные власти постоянно обвиняли друг друга в актах геноцида против чеченцев

“С 1998 года власти Азербайджана прилагают значительные усилия, чтобы резня в Ходжалы была признана актом геноцида на международном уровне”.

обсуждали эту тему. Для изучения этой проблемы правительство создало официальную комиссию, которая пришла к выводу, что от голода в этот период погибло более двух миллионов человек. Проводились церемонии поминовения жертв, публиковались бесчисленные газетные и журнальные статьи, были попытки создания институтов и организации символического суда над лидерами Коммунистической партии эпохи Сталина, предложения об установке памятников и активном использовании слова «геноцид». Однако с середины 1990-х годов научный и общественный интерес к этой теме стал снижаться, и многие монументы, которые должны напоминать о казахском голоде, так и остались недостроенными. Но казахский голод все же описывается в учебниках истории в Казахстане, и часто его называют «геноцидом Голощекина» (по фамилии тогдашнего руководителя Коммунистической партии Казахстана)²⁷.

Требования официально признать ту или иную политику или те или иные действия геноцидом постоянно выдвигаются в раз-

и русских соответственно³⁰. Подобные сообщения часто появляются в новостях, но их влияние, разумеется, несопоставимо с государственным. Если решение о том, чтобы представить и признать некий акт геноцидом, принимается на официальном уровне, то государство использует свои огромные административные, юридические, политические и образовательные ресурсы, чтобы добиться этого признания и внутри страны, и за ее пределами.

Почему же одни государства стремятся представить свои страдания как геноцид, а другие воздерживаются от этого? К сожалению, местные ученые пока не обратили должного внимания на этот вопрос. В некоторых случаях, например в России, причина в том, что доминирующий исторический миф военной силы, статуса сверхдержавы и победы во Второй мировой войне трудно совместить с позицией бессильной жертвы (а требование признать факт геноцида подразумевает именно такую позицию). В других странах власти эксплуатируют другие, более мощные источники внутренней легитимно-

сти и мобилизации, например, клановые или персоналистские системы распределения благ. Значительную роль могут играть также такие факторы, как наличие сильной диаспоры, которая часто активно способствует поиску прошлых геноцидов, или важность отношений с государством или нацией, которую следовало бы обвинить в совершении геноцида. В целом, однако, можно предположить, что чем выше уровень внешней угрозы государству, реальной или воображаемой, и чем больше потребность элит в единении с народом, тем более вероятно принадлежность страны ко второй категории.

Эта вторая группа государств состоит из стран, которые официально считают свои трагедии геноцидом. В разных странах подобная позиция может иметь разные политические последствия; формы сохранения памяти также отличаются друг от друга, как и реакция международного сообщества на стремление той или иной нации считать себя жертвой геноцида. В следующих разделах мы познакомимся с несколькими такими государствами и международными последствиями их притязаний на статус жертвы геноцида.

Азербайджан: Ходжалы — самая большая трагедия XX столетия

Азербайджан — интересный и важный пример постсоветского конструирования исторического нарратива. «Обретение независимости Республикой Азербайджан позволило восстановить объективную картину прошлого нашего народа. Истины, которые долгие годы держались в тайне, подавлялись и запрещались, выходят наружу, и открывается реальность, подкрепленная фактами, которые когда-то были фальсифицированы. Одной из неизученных страниц истории является геноцид, который неоднократно совершался в отношении азербайджанского населения [армянами] и который на протяжении долгого времени не получал надле-

жащей политической и юридической оценки», — гласит декрет, изданный в марте 1998 года президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым³¹. Декрет провозглашал 31 марта официальным днем поминовения — Днем геноцида азербайджанцев. Упомянутая выше резня в Ходжалы (в этом документе «геноцид Ходжалы»), которая произошла во время войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха, оценивается как одна из самых больших трагедий в истории азербайджанского народа. Другие общественные деятели в Азербайджане в своих оценках трагедии Ходжалы идут еще дальше, называя ее «величайшей и самой ужасной трагедией XX столетия»³².

Ходжалы — маленький городок в Нагорном Карабахе, в котором тогда было примерно 6 тыс. жителей, среди которых преобладали этнические азербайджанцы и турки-месхетинцы³³. Ходжалы был стратегически важным центром, здесь располагался единственный в Карабахе аэропорт. Ночью 25 февраля 1992 года, в четвертую годовщину армянских погромов в азербайджанском городе Сумгаите, армяне напали на город и захватили его, убив много гражданских лиц³⁴. Согласно официальным азербайджанским оценкам, было убито 613 гражданских лиц (среди них 106 женщин и 83 ребенка), тысячи были ранены, взяты в заложники или стали беженцами³⁵. Армяне оспаривают список убитых, утверждая, что убийства произошли из-за того, что азербайджанские боевики перемешались с беженцами.

В 1998 году власти Азербайджана официально признали резню в Ходжалы геноцидом, и с тех пор прилагаются значительные усилия для того, чтобы эта трагедия была признана актом геноцида на международном уровне. Одна из стратегий руководства Азербайджана состояла в том, чтобы институционализировать этот геноцид, сделав 31 марта официальным днем поминовения.

В этот день в Азербайджане проводятся специальные церемонии, на которых обычно присутствуют высшие государственные официальные лица, и такие же церемонии организуют дипломатические представители Азербайджана в других государствах. Эти скоординированные усилия позволили добиться впечатляющих результатов: например, в 2008 году специальные мероприятия, посвященные памяти жертв геноцида в Ходжалы, прошли в 60 городах по всему земному шару, от Сиднея до Праги и Нью-Йорка ³⁶.

Оценку резни в Ходжалы как геноцида продвигают не только дипломатические представители Азербайджана, особая роль в этом принадлежит группам азербайджанской диаспоры, а также гораздо более влиятельной и многочисленной турецкой. Внимание турецкой диаспоры и турецкого государства к геноциду в Ходжалы может объясняться не только братскими отношениями между азербайджанским и турецким народами, но также и стремлением турок преуменьшить значимость политических баталий по поводу признания геноцида армян, совершенного Османской империей. Не удивительно, что когда проблема Ходжалы была поднята в американском Конгрессе, конгрессмен от Индианы Дэн Бертон указал на явную связь между этими событиями:

«Из года в год в апреле многие выдающиеся члены Конгресса приходят в эту Палату, чтобы вспомнить так называемый “геноцид армян”, точные детали которого еще и сейчас, спустя почти 90 лет после тех событий, являются предметом споров. Парадоксально и трагично то, что ни один из участников этих мероприятий ни разу не упомянул этническую чистку, учиненную армянами во время войны между Арменией и Азербайджаном, которая имела место всего десять лет назад» ³⁷.

Стремление Бертона поднять проблему Ходжалы на Капитолийском холме поддержали другие члены Конгресса США, такие как Билл Шустер из Пенсильвании и Зо Лофгрэн из Калифорнии. Хотя, в отличие от армянского геноцида, Ходжалы так и не стал в США политически значимой проблемой, тем не менее перед нами пример все более популярной международной тенденции: страны пытаются добиться от иностранных держав формального признания определенных трактовок истории и превратить законодательные органы в поля сражений за чужое прошлое.

Еще одна страна, которую Азербайджан пытается склонить к признанию геноцида Ходжалы, это Израиль — хрестоматийный образец государства после геноцида, политический, а для некоторых и моральный авторитет в вопросах геноцида, исторической памяти и коммеморации. Так, 21 апреля 2009 года (в очередную годовщину восстания в Варшавском гетто) президент Алиев обратился к еврейскому сообществу Азербайджана, недвусмысленно представив геноцид в Ходжалы как неусвоенный урок Холокоста ³⁸. В 2008 году Конгресс азербайджанцев в Израиле ³⁹ убеждал израильских чиновников воздержаться от «обсуждения так называемого геноцида армян», утверждая, что реальные жертвы геноцида — азербайджанцы, а не армяне. В израильском парламенте был организован «круглый стол», посвященный геноциду в Ходжалы ⁴⁰. По словам высокопоставленного азербайджанского чиновника, в различных музеях Холокоста должны быть созданы специальные секции, посвященные геноциду в Ходжалы, чтобы лучше «информировать международное сообщество об армянской агрессии против Азербайджана и добиваться обсуждения этого факта в парламентах и в политических кругах по всему миру» ⁴¹.

Азербайджан также приложил много усилий для того, чтобы ввести проблему

Ходжалы в повестку дня различных международных организаций. Оставшиеся в живых жители Ходжалы и беженцы, с помощью властей Азербайджана, постоянно обращаются к Генеральной Ассамблее ООН и в Совет Безопасности с требованиями признать эту резню геноцидом. Книги и подборки документов, касающиеся трагедии Ходжалы, распространяются среди членов ПАСЕ, а в Европейском парламенте проводятся специальные мероприятия. Двадцать девять членов ПАСЕ из Великобритании, Норвегии, Польши и других государств подписали документ о признании геноцида Ходжалы, а Молодежный форум Организации Исламская конференция организовал международную кампанию «Правосудие для Ходжалы». Азербайджанские чиновники стараются упомянуть о геноциде на каждом мероприятии, в котором они участвуют, и привлекают к нему внимание любой аудитории, к которой они могут обратиться ⁴².

В самом Азербайджане после обретения независимости Ходжалы стал одним из главных столпов национальной идентичности. При том огромном внимании, которое уделяется этой проблеме на официальном уровне, любая критическая оценка этой версии становится невозможной и даже опасной. Например, журналист Эйнулла Фатуллаев, критиковавший действия правительства Азербайджана во время сражения в Ходжалы, был приговорен к двум с половиной годам тюрьмы за оскорбление памяти жертв. Кроме того, как отметил Гродски, если обе стороны конфликта предъявляют друг другу обвинения в геноциде, вероятность мирного урегулирования существенно уменьшается ⁴³. Есть основания полагать, что подобная официальная точка зрения на геноцид еще более осложняет разрешение затяжного военного конфликта на Южном Кавказе, имеющем важное международное значение и богатом нефтью.

Грузия — земля трех геноцидов

Судя по заявлениям российских, грузинских, абхазских и осетинских властей, Грузия, маленькое государство в Закавказье, ставшее всемирно известным в связи с «революцией роз» и войной против России летом 2008 года, — вероятно, самое «геноцидоопасное» место на земном шаре. Если суммировать утверждения разных сторон, с 1989 года здесь имели место, по крайней мере, три геноцида. Два из них были устроены грузинами против абхазцев и осетин ⁴⁴, а третий был организован абхазцами и их российскими союзниками против этнических грузин.

Грузино-абхазский конфликт вспыхнул на фоне распада СССР, когда грузинские националисты потребовали независимости от СССР, а абхазцы — независимости от Грузии. В 1992 году, после того, как Тбилиси послал в Абхазию войска, чтобы предотвратить раскол, политический конфликт превратился в полномасштабную войну. На территории протогосударства Абхазия, где этнические абхазцы составляли только пятую часть населения, в 1993 году произошли особенно жестокие столкновения, которые привели к появлению десятков, если не сотен тысяч беженцев. Абхазцы бежали в Россию, а грузины из этой отколовшейся области бежали во внутренние районы страны, находящиеся под контролем Тбилиси. Осенью 1993-го, под шум обвинений в получении российской помощи, абхазские сепаратисты «освободили» свою территорию от власти Грузии. А в следующем году Абхазия объявила себя независимой ⁴⁵.

После этого военного конфликта обе стороны постоянно выдвигают взаимные обвинения в геноциде. Для абхазцев изображение войны как борьбы против геноцида (с превращением, таким образом, сепаратистского конфликта в гуманитарную проблему) стало ключевым аргументом, который призван оправдать их стремление к независимости.

Кроме того, обвинения в геноциде широко использовались Сухуми для получения международной — но прежде всего российской — политической и военной поддержки. «Народ Абхазии подвергся геноциду», — говорил президент Абхазии в 2007 году, утверждая, что воссоединение с Грузией равносильно национальному самоубийству⁴⁶. Советник абхазского правительства по внешней политике Вячеслав Чирикба охарактеризовал грузинскую политику по отношению к этому региону как «абхазский Холокост» и «попыт-

обращались и в другие структуры ООН, в частности, к Генеральному секретарю и в Комиссию по правам человека, и требовали международного судебного расследования. Лидеры Абхазии также требовали, чтобы Совет Безопасности ООН осудил кампанию геноцида со стороны Грузии, и прилагали все усилия, чтобы дезавуировать грузинские обращения»⁵⁰.

Грузия также потребовала формального признания геноцида от ОБСЕ, которая действительно признала, что в Абхазии

“Сталинские репрессии, массовые высылки в Сибирь и кампания коллективизации — все это Балтийские государства считают компонентами советского геноцида”.

ку “окончательного решения” абхазского вопроса»⁴⁷.

Не удивительно, что грузинские власти противопоставили абхазским обвинениям свои собственные обвинения в геноциде. «То, что совершили абхазские сепаратисты в отношении грузин, при явной помощи внешних сил, должно классифицироваться как преступление против человечности, геноцид и вандализм», — утверждал президент Грузии Эдуард Шеварднадзе⁴⁸. В 1993 году была создана правительственная комиссия, которая должна была собрать материалы по геноциду и добиваться суда над преступниками в специальном Международном трибунале⁴⁹.

С тех пор попытки разрешить этот конфликт постоянно сопровождаются обвинениями и контробвинениями в геноциде. Грузинские власти «неоднократно — и безуспешно — обращались в Совет Безопасности ООН с целью добиться признания геноцида этнических грузин. По крайней мере, отчасти эти обращения в ООН были мотивированы верой в то, что признание геноцида может означать возможность использования силы для разрешения конфликта. Они

имела место этническая чистка, но, к огорчению Тбилиси, не решилась, однако, обозначить эти события как геноцид. В 2003 году Тбилиси объявил о своем намерении обратиться с иском по поводу геноцида в Гаагский суд. В 2006-м представитель Грузии в ООН Реваз Адамия открыто обвинил Россию в соучастии в геноциде в Абхазии⁵¹. Однако самым важным следствием политики, которая строится на признании геноцида, является то, что она безусловно блокирует сколько-нибудь существенное продвижение к разрешению конфликта. После «революции роз» премьер-министр Грузии Зураб Жвания утверждал, что его правительство не будет вести переговоры с абхазцами, пока они не признают геноцид 1993 года. Власти Сухуми, со своей стороны, в качестве предварительного условия для переговоров потребовали, чтобы Грузия признала геноцид в отношении абхазцев⁵².

Южная Осетия — еще одна отделившаяся область, в которой широко используется термин «геноцид». Как и абхазцы, южные осетины не поддерживали стремление грузин к независимости и надеялись на сохранение

СССР или на объединение со своими братьями, живущими в Северо-Осетинской автономной республике России. После военного конфликта с Грузией в начале 1990-х годов осетинские лидеры активно разыгрывали карту геноцида, чтобы оправдать стремление области к самоопределению. Хотя число погибших осетин составляет, по разным данным, от двух до трех тысяч⁵³, утверждалось, что для такой маленькой нации любые потери фактически эквивалентны геноциду⁵⁴. Обвинения в геноциде также активно использовались руководством Южной Осетии для отказа от любых серьезных переговоров с Грузией: осетины требовали официального признания геноцида в качестве предварительного условия для переговоров⁵⁵.

Хотя Южная Осетия сделала несколько попыток добиться широкого международного признания геноцида в отношении осетин, их аргументы и требования были в первую очередь обращены к России. И когда в августе 2008 года грузинские войска попытались захватить Цхинвал, Россия послала в Южную Осетию вооруженные силы, утверждая, что она вступает в войну, или, как говорилось в официальных заявлениях, участвует в операции по «принуждению к миру», чтобы защитить южных осетин от геноцида. Невозможно оценить, насколько искренне Кремль полагал, что в Осетии действительно имел место геноцид, но даже если имело место циничное злоупотребление этим аргументом, с этого момента стало невозможно говорить о конфликте в Закавказье и связанной с ним угрозе новой холодной войны, не затрагивая проблему геноцида.

Кроме того, когда президент Медведев представил геноцид как одну из основных причин признания независимости Южной Осетии и Абхазии, у руководителей других стран не осталось иного выбора, как вступить в обсуждение этой проблемы⁵⁶. В Осетии Кремль также решил инициировать уголов-

ное расследование предполагаемого геноцида. Российские правоохранительные органы начали собирать доказательства геноцида со стороны грузин, которые предполагалось использовать при расследовании действий грузинского руководства в Международном уголовном суде. Не удивительно, что такие свидетельства были тут же найдены российским Следственным комитетом, который зафиксировал убийства 162 осетин — гражданских лиц⁵⁷. Другой судебный процесс, на сей раз Грузии против России, был инициирован в Международном суде в Гааге⁵⁸.

Государства Балтии: память плюс преследование

В Литве, Латвии и Эстонии многие рассматривают коммунистическую эпоху, и особенно 1940-е годы, как период советского геноцида против местного населения⁵⁹. Кроме того, некоторые балтийские интеллектуалы и политические фигуры, такие как видный литовский писатель Йонас Микелинскас, утверждали, что этот регион пережил «двойной геноцид»: один со стороны Советов, а другой — Холокост, учиненный нацистской Германией. Сторонники этой теории, которая стала очень популярной в середине 1990-х годов, утверждали, что литовские евреи активно участвовали в репрессиях в отношении местного населения и поэтому его сотрудничество с нацистами и участие в Холокосте было просто актами мести⁶⁰. Политические репрессии сталинского НКВД, массовые высылки в Сибирь и кампании коллективизации — все это Балтийские государства считают компонентами советского геноцида. Однако, в отличие от других постсоветских стран, Латвия, Литва и Эстония не прилагали больших усилий, чтобы добиться формального международного признания этого геноцида и выбрали стратегию сохранения памяти, расследований и привлечения к суду.

Важной частью этой стратегии стало создание специальных комиссий и исследовательских групп для сбора информации о советских репрессиях. Так, в 1992 году в Эстонии была создана Государственная комиссия по изучению репрессивной политики. В 2005-м результаты работы этой комиссии были опубликованы эстонскими властями под названием «Белая книга: потери, причиненные эстонской нации оккупационными режимами в 1940–1991 годы». В «Белой книге» советская политика по отношению к Эстонии была обозначена как геноцид. Во время нацистской оккупации Эстония тоже подверглась террору, «но в отношении населения Эстонии он не был столь массовым, как в годы коммунистического правления»⁶¹. Кроме того, этот документ категорически отвергает какую-либо причастность эстонского населения к Холокосту, заявляя, что в Эстонии, в отличие от других стран, нацистам не удалось побудить эстонцев уничтожать людей других национальностей⁶². Подобные комиссии были созданы также в Литве (Международная комиссия по оценке нацистских и советских оккупационных режимов в Литве) и Латвии (Латвийская историческая комиссия). Органы расследования, такие как литовский Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы, взяли на себя примерно ту же роль, что и польский Институт национальной памяти. Были также созданы музеи оккупации и геноцида. Следует отметить, что в литовском Музее геноцида почти полностью отсутствуют упоминания о Холокосте, практически все внимание уделяется только сталинским репрессиям. Не удивительно, что отказ Балтийских государств разобраться в собственном прошлом, вытекающий из восприятия самих себя только как жертв, пострадавших, вызвал серьезную международную критику их политики⁶³. Кроме того, поскольку государства Балтии стали членами

НАТО и ЕС, их историческая политика и ее международные последствия начинают оказывать влияние на сами эти организации.

В 2007 году эстонское правительство приняло решение переместить с площади Тынисмяги в центре Таллина памятник «Бронзовый солдат». Многие местные жители воспринимали памятник как символ советской оккупации, сопровождавшейся геноцидом; иногда его называли памятником «неизвестному насильнику в советской военной форме»⁶⁴. Решение перенести памятник в другое место вызвало уличные протесты по всей Эстонии. Двусторонний конфликт между Эстонией и Россией стремительно превратился в конфликт между Россией и ЕС, несмотря на нежелание Брюсселя портить отношения с Кремлем. После того как посольство Эстонии в Москве стало объектом постоянной агрессии и семьям дипломатов пришлось эвакуироваться из России, ЕС не оставалось ничего другого, как вмешаться в конфликт, недвусмысленно встав на сторону государства-члена ЕС. Кроме того, из-за особенностей процесса принятия решений в ЕС, под угрозой оказалась вся система отношений ЕС с Россией⁶⁵. К этому добавились кибератаки российских хакеров на эстонские правительственные сайты, которые вызвали беспокойство не только в Эстонии, но и в НАТО в целом. «Это проблема, представляющая непосредственную угрозу нашей безопасности, мы относимся к этому очень серьезно... Это затрагивает глубинные основы деятельности альянса», — сказал официальный представитель НАТО⁶⁶.

Наряду с мемориальными акциями, власти государств Балтии также ведут политику судебного преследования людей, участвовавших в депортациях и репрессиях в советскую эпоху, обвиняя их в геноциде и преступлениях против человечества. Как отмечает Ритис Саткаускас, к 2000 году в

одной только Литве был инициирован 91 процесс против тех, кто осуществлял советские репрессии в послевоенный период, и примерно столько же в Латвии и Эстонии. Осужденные, как правило, получают условные приговоры, но некоторые все же попадают в тюрьму⁶⁷. Эти процессы по поводу геноцида в большинстве своем прошли незаметно для международного сообщества, хотя некоторые из них все же имели международный резонанс⁶⁸. В 2007 году власти в Таллине возбудили процесс против Арнольда Мери, бывшего высокопоставлен-

сятипятiletний Кононов был признан виновным и приговорен к шести годам тюрьмы. В 2004 году Верховный суд Латвии смягчил приговор, сократив срок заключения до двадцати месяцев. Кононов, которого активно поддерживала Россия, обвинявшая Латвию в реабилитации нацизма, обратился в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге. В июле 2008 года ЕСПЧ полностью отменил решение латвийского суда и оправдал ветерана⁶⁹.

Однако Россия — не единственное государство, вовлеченное в конфликты, свя-

“В литовском Музее геноцида почти полностью отсутствуют упоминания о Холокосте, практически все внимание уделяется только сталинским репрессиям”.

ного чиновника Коммунистической партии Эстонии и советского ветерана Второй мировой войны, удостоенного наград. 88-летний Мери обвинялся в геноциде, поскольку в марте 1949 года участвовал в депортации населения с острова Хийумаа. В отличие от многих предыдущих процессов, суд над Мери освещался в международной печати, главным образом, из-за высокого личного статуса ответчика и острой реакции на этот процесс в Москве. Однако в связи со смертью Мери в марте 2009 года процесс был прекращен.

В Латвии наибольшую международную известность получил процесс Василия Кононова. Кононов, советский партизан Второй мировой войны и полковник милиции в отставке, был подвергнут судебному преследованию по обвинению в геноциде и военных преступлениях за убийство девяти латвийских гражданских лиц, включая нескольких женщин, подозревавшихся в сотрудничестве с нацистами, во время карательной операции в деревне Мазе Бати (*Mazē Bati*) в мае 1944 года. В 1998-м семиде-

занные с расследованиями актов геноцида и соответствующими процессами. В июне 2007 года генеральная прокуратура Литвы обратилась к своим израильским коллегам за помощью в расследовании в отношении д-ра Ицхака Арада, бывшего председателя правления мемориального центра «Яд Вашем» (Израильское управление по увековечиванию памяти о Холокосте). Литва подозревала Арада в преступлениях против человечности, таких как «убийства гражданских лиц, военнопленных, убийства литовских партизан, которые были предположительно совершены во время службы упомянутого лица в советском НКВД»⁷⁰. Арад, известный историк, переживший Холокост, партизан Второй мировой войны и бригадный генерал израильской армии в отставке, категорически отверг эти обвинения. Как и ожидалось, Израиль отказался от сотрудничества с Литвой в этом вопросе. В связи с этим иском по всему миру прокатилась волна протестов и публикаций в СМИ, в которых ставился вопрос, намерена ли Литва сделать объектом преследований тех, кому удалось пережить

Холокост. Понятно, что это стало серьезной угрозой для международной репутации этой страны⁷¹. Руководители Всемирного еврейского конгресса обратились к премьер-министру Литвы с настойчивой просьбой «воздержаться от преследований героев эпохи Холокоста»⁷². В конце концов литовские власти прекратили преследование Арада⁷³.

Поскольку большинству фактических и потенциальных ответчиков по делам и расследованиям в связи с этим геноцидом сейчас уже за 80 или даже за 90 лет, правовой аспект в конструировании нарратива о геноциде в государствах Балтии в ближайшие годы сойдет на нет. Однако представление советской оккупации как геноцида может иметь серьезные политические последствия для европейского континента в целом. Из-за различий в восприятии Второй мировой войны европейские государства и международные организации уже сейчас участвуют в острых дискуссиях вокруг этого ключевого элемента послевоенной европейской идентичности. Недавнее решение ПАСЕ, фактически приравнявшее сталинизм к нацизму⁷⁴, — лишь одно из проявлений этого процесса, который затрагивает не только ОБСЕ, но также ЕС и НАТО, особенно когда речь идет об отношениях с Россией. Представление советского правления как геноцида в официальной риторике некоторых постсоветских стран ведет к отчуждению местного русскоязычного населения, поскольку их начинают воспринимать как потомков оккупантов и преступников. Уличные волнения в Таллине в связи с перенесением «Бронзового солдата» ясно продемонстрировали способность и готовность значительной части русскоязычного меньшинства бросить властям недвусмысленный вызов по поводу исторических символов, и потенциал для новых уличных столкновений, кибератак и дипломатических войн остается высоким.

«Украина помнит, мир признаёт»⁷⁵

Голодомор — искусственно вызванный голод 1932–1933 годов — расценивается украинцами как самый трагический эпизод в их истории⁷⁶. В советскую эпоху Голодомор оставался одним из «белых пятен» в истории, на протяжении многих десятилетий сам факт голода держался в строжайшей тайне. С конца 1980-х различия в оценке этого трагического периода резко разделили украинское общество на тех, кто добивался демократизации, с одной стороны, и сторонников коммунистического правления — с другой. Это неудивительно, поскольку сам термин «Голодомор» был предложен Иваном Драчом, одним из основателей оппозиционного движения «Рух»⁷⁷. Украинские национал-демократы утверждали, что голод начала 1930-х годов был преднамеренной акцией, направленной против украинцев, в то время как их противники отрицали наличие этнической мотивации в этой катастрофе⁷⁸. В конце 1980-х Голодомор стал мощным оружием в руках тех, кто боролся за отделение Украины от СССР. Фильм, описывающий ужасы голода, демонстрировался по украинским телевизионным каналам накануне референдума по вопросу о независимости республики⁷⁹. В 2003 году парламент Украины официально объявил Голодомор актом геноцида против украинского народа, совершенным режимом Сталина⁸⁰. Президент Кучма также объявил 22 ноября Днем памяти жертв Голодомора. Однако эти церемонии поминовения были предназначены в первую очередь «на экспорт»⁸¹.

«Оранжевая революция» изменила отношение официальных властей к Голодомору. В 2006 году украинский парламент принял закон, признающий Голодомор геноцидом. Правительство Украины официально объявило 2008 год «Годом памяти жертв Голодомора»; в ноябре того же года в Киеве была установлена огромная «Свеча Памяти» — монумент высотой 35 метров.

Медленно, но неуклонно Голодомор стал занимать исключительное положение как один из центральных компонентов украинской идентичности. В 2003 году только 40 проц. украинских граждан считали, что Голодомор — это «геноцид, совершенный большевистскими властями против украинского народа», а 13 проц. респондентов никогда не слышали об этом голоде. В 2007-м картина была уже совсем другой: 72,4 проц. полагали, что голод был организован преднамеренно, и более 63 проц. были согласны с тем, что Голодомор следует считать геноцидом⁸².

“В советскую эпоху Голодомор оставался одним из «белых пятен» в истории, на протяжении многих десятилетий сам факт голода держался в строжайшей тайне”.

Наряду с сохранением памяти внутри страны, главным приоритетом для украинских властей стало обеспечение международного признания Голодомора в качестве геноцида. В этом Украина преуспела больше, чем Азербайджан, Грузия и отколовшиеся от нее республики или Балтийские государства. На момент написания данного текста Голодомор признали геноцидом законодательные органы США, Канады, Мексики, Аргентины, Австралии, Италии, Польши, Венгрии и ряда других европейских и латиноамериканских государств⁸³. В некоторых государствах вопрос о признании Голодомора геноцидом вызвал горячие политические споры. Например, парламент Словакии принял декларацию, характеризующую этот голод как «массовое убийство», но не как «геноцид», несмотря на усилия некоторых местных законодателей и президента Украины Ющенко, который побуждал Словакию признать этот голод геноцидом⁸⁴.

Чтобы шире информировать мир о Голодоморе, Украина начала широкомасштабную кампанию под лозунгом «Украина

помнит, мир признаёт»⁸⁵. Было предпринято несколько попыток убедить Израиль признать Голодомор геноцидом. Однако, к разочарованию Киева, израильские власти раз за разом отказывались это сделать. В апреле 2007 года Израиль даже отклонил просьбу Ющенко прибыть в Израиль и выступить с речью в День памяти жертв Холокоста в Иерусалиме. Израильские власти опасались, что если в своей речи он будет проводить параллель между Холокостом и Голодомором, то это может осложнить отношения Израиля с Россией⁸⁶.

Проблема Голодомора стала также источником противоречий для многих международных организаций, к которым Украина и ее союзники обращались с просьбой признать Голодомор геноцидом. В ноябре 2007 года Группа Европейской народной партии и Европейских демократов в Европейском парламенте (ЕНП—ЕД), самая большая политическая группа в этом законодательном органе, рекомендовала Совету ЕС признать этот голод геноцидом. Однако Украине так и не удалось добиться такого признания. Решение, принятое Европейским парламентом, объявило голод «преступлением против человечества», но термин «геноцид» в нем все-таки не используется. Аналогичным образом, в июле 2008 года ПАСЕ приняла решение, осудившее этот голод, но воздержалась от признания его актом геноцида⁸⁷. В ООН проект решения, осуждающего Голодомор и квалифицирующего его как геноцид, был заблокирован Россией, и после острой дипломатической борьбы это слово все-таки пришлось удалить из текста.

Споры относительно признания Голодомора геноцидом привели также к двустороннему конфликту между Киевом и Москвой. Несмотря на непрерывные заявления Украины, что признание геноцида обращено против Сталина и коммунистического режима, а не против какой-либо конкретной нации, Кремль тем не менее воспринял это как явное обвинение российского государства в геноциде. В Москве украинскую риторику геноцида посчитали угрожающей и оскорбительной. Российские власти расценили эту «войну за прошлое» как очередной поворот в и без того конфликтных отношениях между двумя государствами. Поражение Виктора Януковича, которого Россия активно поддерживала, на президентских выборах 2004 года («оранжевая революция»), стремление Украины присоединиться к НАТО и проблема Голодомора задели в Москве оголенный нерв и привели к тому, что Кузио характеризует как «газовую войну, подпитываемую национальной спецификой»⁸⁸. «Провокационный вопль о “геноциде” сформировался “в злобных, антироссийских, шовинистических умах”», — утверждал российский писатель, нобелевский лауреат Александра Солженицын⁸⁹.

Одним из примечательных следствий резкой реакции России на проблему Голодомора стала публикация многочисленных статей и академических работ, отрицающих, что голод начала 1930-х годов являлся геноцидом. Эти книги и статьи, от открыто расистского осуждения украинской «голодной идентичности»⁹⁰ до утверждений, что признание Голодомора геноцидом — первый шаг к глобальной реабилитации нацизма⁹¹, и публикаций многочисленных архивных документов⁹², стали неотъемлемой частью российского политического дискурса.

В апреле 2008 года, когда в НАТО обсуждалось возможное членство Украины, российская Дума приняла решение, категорически

отвергавшее украинскую оценку Голодомора как геноцида. Позже в том же году Украина пригласила президента России Медведева присутствовать на 75-й ежегодной церемонии поминовения жертв Голодомора в Киеве. Однако Медведев отклонил приглашение, заявив, что не считает для себя возможным участвовать в событиях, посвященных 75-й годовщине «так называемого Голодомора» (*sic*) в Украине⁹³. В длинном письме украинскому президенту Ющенко Медведев утверждал, что «в последние годы эта тема, наряду с настойчивыми попытками получить приглашение в “подготовительный класс” НАТО, сделана чуть ли не центральным элементом украинской внешней политики», и сделал своему украинскому коллеге выговор за то, что он назвал манипуляциями, искажениями и фальсификацией исторических данных, отравляющих отношения между двумя государствами⁹⁴.

Меньше чем через неделю после публикации этого письма Медведев приказал «Газпрому» потребовать с Украины долг в размере 2,4 млрд дол. за поставки природного газа⁹⁵. Это решение российских властей и украинская реакция на него привели к очередному раунду газовых споров между двумя странами, в результате чего были фактически прерваны поставки газа в восемнадцать государств, в частности Германию, Италию, Польшу, Грецию и Турцию, причем в условиях необычно холодной зимы. Этот кризис побудил Европейский союз полностью пересмотреть свою стратегию энергетической безопасности, перетасовав геополитические карты в Евразии и за ее пределами⁹⁶. Разумеется, причинами этого газового конфликта были не только история и проблемы идентичности. Однако газовые споры следует рассматривать на фоне всей системы российско-украинских отношений, а в этих отношениях историческая политика и проблемы идентичности занимают исключительно важное место⁹⁷.

Заключительные замечания

В этой статье я попытался показать, какие усилия прилагали многие правительства, возникшие после 1989 года, чтобы сконструировать нужный им исторический нарратив, в котором центральное место занимает геноцид и представление своего народа как жертвы. Я также попытался показать значение этих проектов исторической политики, сконцентрированных вокруг геноцида, для международных отношений. К международным организациям, парламентам, судам, организациям, занимающимся разрешением конфликтов, постоянно обращаются с призывами признать тот или иной геноцид. Парламентариям приходится обсуждать, чиновникам — рассматривать, а судьям — отказывать в признании исторически сомнительных актов геноцида, о которых они, весьма вероятно, никогда и не слышали⁹⁸. Можно предположить, что в будущем эти проблемы станут еще острее, поскольку, как показало российское решение активно противостоять «фальсификациям истории», любое действие в этой сфере вызывает противодействие.

Революции 1989 года и последовавшие за ними события положили конец политическому и географическому разделению Европы. Оказалось, однако, что ломать стены, открывать границы и проводить выборы намного легче, чем сформировать национальную идентичность, соответствующую эйфории и духу

единения, которые охватили людей сразу после краха коммунистической системы. Многие элиты, возникшие после 1989-го, столкнувшись с проблемами независимой государственности и наследием не столь отдаленного, но долго замалчиваемого прошлого, стали рассматривать исторический и политический нарратив о страданиях и жертвах как важный компонент государственного строительства. В своем крайнем варианте логика жертвы ведет к «поиску утраченных геноцидов» во всем регионе. Историческая политика правительств после 1989 года и особенно мифы и нарративы о геноциде имеют серьезные и далеко идущие политические последствия, как внутренние, так и внешние, однако, по большей части, все это остается вне сферы интересов специалистов по общественным наукам. Цель данной статьи — привлечь внимание ученых, изучающих процессы транзита, начавшиеся в 1989 году, к удивительному феномену формирования национальной идентичности вокруг геноцида и его политических последствий. Как получилось, что представление прошлых страданий как геноцида приобрело столь большое значение? Почему одни государства стремятся представить свои трагедии как геноцид, а другие воздерживаются от этого? Как описание трагедии в терминах геноцида влияет на внутреннюю политику? Надеюсь, что те, кто изучают данный регион, обратят внимание на эти важные вопросы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Автор благодарит Холли Кейз, Флориана Бибера, Итана Александра-Дэви, Полу Гарб, Мелани Гетройер, Брайена Гродски, Алексея Миллера, Сару Кэмерон, Георгия Касьянова и анонимных рецензентов за их помощь, предложения и замечания.

² Jones G. Poland Breaks EU Taboo and Mentions the War // The Telegraph. 2007. Jun. 22 (<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1555351/Poland-breaks-EU-taboo-and-mentions-the-war.html>).

³ Массовое убийство в Ходжалы описано ниже.

⁴ Azeri Hackers Deface Armenian Web Sites // AssA-Irada. 2009. Feb. 26.

⁵ Ребенок, который появился на свет в роддоме в Цхинвали, получил имя Геноцид // Эхо Москвы (<http://echo.msk.ru/news/614123-echo.html>); Геноцид — так назвали новорожденного // Наше время (<http://www.gazetanv.ru/archive/article/?id=5952>). Эта история была описана во многих российских газетах, но авторы некоторых

сообщений, главным образом в блогах, утверждали, что эта история — выдумка грузинских журналистов.

⁶ Указ Президента РФ № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» от 15 мая 2009 года.

⁷ *Президент РФ*. О Великой Отечественной войне, исторической правде и нашей памяти. 2009. 7 мая (http://www.kremlin.ru/eng/text/speeches/2009/05/07/2132_type207221_215959.shtml).

⁸ *Bunce V.* Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations // *Comparative Political Studies*. Vol. 33. No 6–7. 2001. P. 703–734

⁹ *Kuzio T.* Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // *Politics*. Vol. 21. No 3. 2001. P. 168–177.

¹⁰ *Schopflin G.* Identities, Politics, and Post-Communism in Central Europe // *Nations and Nationalism*. Vol. 9. No 4. 2003. P. 488; *Verdery K.* The Political Life of Dead Bodies. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1999; *Jilge W.* The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991 – 2004/2005) // *Divided Historical Cultures? World War II and Historical Memory in Soviet and Post-Soviet Ukraine* / W. Jilge, S. Troebst (eds). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 54. H. 1. 2006. P. 51–82.

¹¹ *Kattago S.* Agreeing to Disagree on the Legacies of Recent History // *European Journal of Social Theory*. Vol. 12. No 3. 2009. P. 376.

¹² Кроме Чихоцкого, главными интеллектуальными столпами программы «исторической политики» являются Дариуш Гавин и Томаш Мерта.

¹³ Цит. по: *Stobiecki R.* Historians Facing Politics of History: The Case of Poland // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989* / М. Корецек (ed.). Budapest: Central European Univ. Press, 2007. P. 182.

¹⁴ *Szczerbiak A.* Dealing with the Communist Past or Politics of the Present? Lustration in Post-Communist Poland // *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No 4. 2002. P. 553–572.

¹⁵ The Unloved Neighbors: A History of Hostility between Poland and Germany // *Spiegel Online*. 2007. Jun. 20. (<http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,489510,00.html>).

¹⁶ *Миллер А.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России //

Отечественные записки. Т. 5. № 44. 2008 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735>).

¹⁷ *Jilge W.* Op. cit.

¹⁸ *Budryte D.* Taming Nationalism? Political Community Building in the Post-Soviet Baltic States. Aldershot: Ashgate, 2005. Ch. 6.

¹⁹ *Grodsky B.* When Two Ambiguities Collide: The Use of Genocide in Self-Determination Drives. Conference Paper, presented at the American Association for Advancement of Slavic Studies 40th National Convention, 20–23 November 2008, Philadelphia.

²⁰ *Freeman M.* Genocide, Civilization and Modernity // *The British Journal of Sociology*. Vol. 44. No 2. 1995. P. 211.

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.*

²³ См., например: *Bilinsky Y.* Basic Factors in the Foreign Policy of Ukraine // *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia* / Frederick Starr (ed.). Almonk: M.E. Sharpe, 1994. P. 171.

²⁴ В этой связи следует отметить, что именно потому, что признание геноцида имеет серьезное политическое значение, такого признания почти невозможно добиться, особенно если заявления о геноциде делаются в контексте актуального военного или политического конфликта. Самое яркое подтверждение этого тезиса — военный конфликт в Дарфуре.

²⁵ М. Струмер; цит. по: *Koczanowicz L.* Politics of Time: Dynamics of Identity in Post-Communist Poland. N. Y.: Berghahn Books, 2008. P. 20.

²⁶ Здесь я не имею в виду ни Армению, которая заслуживает отдельного анализа, ни чествования памяти жертв Холокоста.

²⁷ Сара Кэмерон, личное сообщение по электронной почте, 2 июля 2009 года.

²⁸ См., например: <http://archive.muslimuzbekistan.com/eng/genocide.html>

²⁹ Молдавские националисты призывают инициировать процесс признания геноцида гагаузов румыноюнионистами // *REGNUM*. 2007. 28 нояб. (<http://www.regnum.ru/news/922542.html>).

³⁰ См., например: *Козлова Н.* Прокуратура ставит диагноз: геноцид русских в Чечне носил массовый характер, расстреливали группами и в одиночку // *Российская газета*. 2000. 1 июня; *Ex-Chechen leader accuses Russia of Chechnya genocide* // *BBC*. 2001. Feb. 16.

³¹ Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the Genocide of the Azerbaijani People.

1998. March 26 (<http://www.human.gov.az/?sehife=etrafli&dil=en&sid=MTMyMjMzMTA4MTMyNjE1Mw>).

³² Khojaly Genocide (In documents, facts and foreign press). Baku, 2006. P. 196–197.

³³ По оценке Томаса Гольца, в 1992 году население Ходжалы составляло 10 тыс. человек. См.: *Goltz Th.* Facts About Khojali // Azerbaijan International. 2005. Spring. P. 19 (http://azer.com/aiweb/categories/magazine/ai131_folder/131_articles/131_khojali.html).

³⁴ Согласно некоторым сообщениям, армянам помогли российские войска. См., например: *Quinn-Judge P.* In Armenian Unit, Russian is Spoken // The Boston Globe. 1992. March 16.

³⁵ См., например: <http://www.human.gov.az/?sehife=etrafli&dil=en&sid=MTIzMzEyMTA4MTIzNjc5Mg>

³⁶ Commemorative Events on 16th Anniversary of Khojaly Tragedy to Be Held in 60 Cities (http://khojaly.org//index.php?option=com_content&task=view&id=57&Itemid=54).

³⁷ *Burton D.* Remembering the Tragedy of Khojaly. Congressional Record. 2005. Feb. 18 (http://ftp.resource.org/gpo.gov/record/2005/2005_E00284.pdf).

³⁸ To the Jewish Community of Azerbaijan. State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2009. Apr. 21.

³⁹ Здесь имеются в виду в основном израильские евреи, родившиеся в Азербайджане.

⁴⁰ Congress of Israeli Azerbaijanis Call on Israeli Officials to Refrain From Discussing the So-Called Armenian Genocide // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Apr. 1; Round Table on Khojaly Genocide Held in Knesset // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Feb. 20.

⁴¹ Holocaust Museums to Display Khojaly Genocide // AssA-Irada. 2008. Feb. 29.

⁴² См., например: Letter Dated 24 February 2005 from the Permanent Representative of Azerbaijan to the United Nations Addressed to the Secretary-General. 2005. Feb. 25. United Nations A/59/713-S/2005/125; Бакинская дипломатия активизируется // Независимая газета. 2001. 29 апр.; Azerbaijan Delegation Raises Issue on Khojaly Genocide at OSCE PA Winter Session // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2008. Feb. 26; Anniversary of Khojaly Genocide Marked in European Parliament // State Telegraph Agency of the Republic of Azerbaijan. 2009. March 4; www.justiceforkhojaly.org.

⁴³ *Grodsky B.* Op. cit.

⁴⁴ Российские, абхазские и осетинские источники часто рассматривают события 1989–1992 годов как продолжение политики независимой Грузии в начале 1920-х, которые также определяются как геноцид. См., например: *Быкова В., Давлетшина Н.* День Катастрофы – 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. М.: Европа, 2008.

⁴⁵ *Grodsky B.* Op. cit.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ *Garb P.* The View from Abkhazia of South Ossetia Ablaze // Central Asian Survey. Vol. 28. 2009. P. 238.

⁴⁸ *Shevardnadze E.* The Policy of Genocide and Ethnic Cleansing in Abkhazia, Georgia – The Principal Weapon of Aggressive Separatism // Policy of Genocide and Ethnic Cleansing in Abkhazia (Georgia). Proceedings of the International Conference-Seminar. Tbilisi. 1999. July 6–7. P. 8.

⁴⁹ Хотя комиссия закончила свою работу, первоначальная идея потребовать создания специального Международного трибунала так и не осуществилась, и со временем грузинские власти просто оставили ее. Сводка результатов работы комиссии опубликована в: Policy of Genocide and Ethnic Cleansing...

⁵⁰ *Grodsky B.* Op. cit.

⁵¹ Georgia's U.N. Ambassador Accuses Russia of Genocide in Abkhazia // Associated Press. 2006. Feb. 1; Georgia to Submit to Hague Tribunal Evidence Implicating Abkhaz in Genocide // BBC. 2003. Feb. 7.

⁵² *Grodsky B.* Op. cit.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Та же самая аргументация использовалась в 2008 году российскими властями. См., например: Russia's UN Ambassador Likens Georgia Onslaught to "Genocide" // Agence France Presse. 2008. Aug. 10.

⁵⁵ *Grodsky B.* Op. cit.

⁵⁶ См., например: PACE Delegation Finds no Signs of "Genocide" in Georgia's South Ossetia // Regnum. 2008. Sept. 26; Тбилиси мотаёт на МУС // Московский комсомолец. 2008. 14 авг.

⁵⁷ Следственный комитет: от грузинского «геноцида» погибло 162 осетина (<http://www.polit.ru/news/2008/12/23/bistr.html>).

⁵⁸ Соответствующие документы см. на сайте Международного суда: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&code=GR&case=140&k=4d>

⁵⁹ Первоначально идея представить советские репрессии как геноцид возникла в диаспоре

Балтийских государств на Западе в годы холодной войны. См.: *Budryte D. "We Call it Genocide": Soviet Deportations and Repressions in the Memory of Lithuanians // The Genocidal Temptation: Auschwitz, Hiroshima, Rwanda, and Beyond / Robert Frey (ed.). Lanham: Univ. Press of America, 2004. P. 79–100.*

⁶⁰ *Budryte D. Taming Nationalism? P. 185.*

⁶¹ *The White Book: Losses Inflicted on The Estonian Nation by Occupation Regimes 1940–1991. Tallinn: Estonian Encyclopaedia Publishers, 2005. P. 13, 16.*

⁶² *Ibid. P. 17.*

⁶³ См., например: *Prosecution and Persecution // The Economist. 2008. Aug. 21.*

⁶⁴ *Painting Over the Past // The Economist. 2007. Jan. 18 (http://www.economist.com/world/europe/displaystory.cfm?story_id=E1_RVVTJJSN); Kattago S. War Memorials and the Politics of Memory: the Soviet War Memorial in Tallinn // Constellations. Vol. 16. No 1. 2009. P. 150–166.*

⁶⁵ *Estonia Makes European Alliance Against Russia // Kommersant. 2007. May 3.*

⁶⁶ *Traynor I. Russia accused of unleashing cyberwar to disable Estonia // The Guardian. 2007. May 17 (http://www.guardian.co.uk/world/2007/may/17/topstories3.russia).*

⁶⁷ Например, Альфонс Новикс и Петрас Расланас были (заочно) приговорены к пожизненному заключению; Михаил Фарбтух и Кирилас Куракинас были приговорены к семи годам заключения соответственно латвийским и литовским судами, другие подсудимые получили более короткие сроки.

⁶⁸ *Satkuskas R. Soviet Genocide Trials in The Baltic States: The Relevance of International Law // Yearbook of International Humanitarian Law. Vol. 7. 2004. P. 388–389.*

⁶⁹ ЕСПЧ счел осуждение Кононова нарушением Статьи 7 (не может быть наказания в отсутствие соответствующего закона) европейской Конвенции по правам человека. См.: *Judgment Court of Human Rights. Chamber Judgment Kononov v. Latvia (http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?action=html&documentId=838484&portal=hbk&source=externalbydocnumber&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649).*

⁷⁰ *Prosecutor General's Office of the Republic of Lithuania. Press Release "Information on suspicions against Yizthak Arad, 10/09/2007" (http://www.*

prokuraturos.lt/News/YizthakArad/tabid/252/Default.aspx).

⁷¹ *Donskis L. Lithuania: Hostages to an Ill-Begotten Theory // Transitions Online. 2008. Oct. 14.*

⁷² *World Jewish Congress Urges Lithuanian Progress on Property Restitution; Jewish Leaders Raise Concerns at Meeting with Lithuanian PM in New York // PR Newswire. 2008. Jul. 2.*

⁷³ *Lithuania Drops War Crimes Case // Baltic Times. 2008. Sept. 25 (http://www.baltictimes.com/news/articles/21427/).*

⁷⁴ *OSCE Resolution Equating Stalinism with Nazism Enrages Russia // Deutsche Welle. 2009. Jun. 9 (http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4468156,00.html). Российская делегация бойкотировала голосование.*

⁷⁵ Подробнее об исторической политике на Украине см. в статье Георгия Касьянова «Голодомор и строительство нации» в: *Pro et Contra. Том 13. 2009. № 3–4. — Прим. ред.*

⁷⁶ Число погибших от голода, по разным оценкам, колеблется от 2,5 до 10 млн человек.

⁷⁷ *Кульчицкий С. Почему он нас уничтожал: Сталин и украинский Голодомор. К.: Украинская пресс-группа, 2007. С. 39.*

⁷⁸ *Marples D. Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine. Budapest: CEU Press, 2007. Ch. 2.*

⁷⁹ *Кульчицкий С. Указ. соч. С. 15, 74.*

⁸⁰ Концепция голода как геноцида возникла в украинской диаспоре на Западе, и только в конце 1980-х и в начале 1990-х годов эта идея появилась в политическом контексте самой Украины.

⁸¹ *Riabchuk M. Holodomor: The Politics of Memory and Political Infighting in Contemporary Ukraine // Harriman Review. Vol. 16. No 2. 2008. P. 3–10.*

⁸² *Riabchuk M. Op. cit; Думки населення України щодо визнання Голодомору 1932-33 рр. геноцидом // Официальный сайт Президента Украины (http://www.president.gov.ua/content/golodomor_sociology.html).*

⁸³ Обычно такое признание оформляется в виде специального постановления или декларации, принятой законодательным органом. Однако что касается США, неясно, признали ли они официально Голодомор геноцидом, хотя слово «геноцид» не раз использовался в документах, принятых Конгрессом.

⁸⁴ *Ukrainian Famine in 1930s Was Slaughter – Slovak Parliament // CTK National News. 2007. Dec. 12.*

⁸⁵ Кампания проводилась фондом «Украина-3000», связанным с первой леди Украины.

⁸⁶ *Himka J.-P.* Making Sense of Suffering: Holocaust and Holodomor in Ukrainian Historical Culture, and: Holod 1932–1933 rr. v Ukraini iak henotsyd/Golod 1932–1933 gg. v Ukraine kak genotsid [The 1932–33 Famine in Ukraine as a Genocide] (review) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 8. No 3. 2007. P. 683–694.

⁸⁷ MEPs Recognize Ukraine's Famine as Crime against Humanity // *RIA Novosti*. 2008. Oct. 23.

⁸⁸ *Kuzio T.* Russian-Ukrainian Gas War Fueled by national identity // *Ukrainian Weekly*. 2009. Jan. 25.

⁸⁹ *Finn P.* Ukraine's Pursuit of Genocide Designation Upsets Russians Who Say Others Died, Too // *The Washington Post*. 2008. Apr. 27.

⁹⁰ *Годик В.* Голодная идентичность // *Русский журнал*. 2007. 5 янв. (<http://www.russ.ru/pole/Golodnaya-identichnost>).

⁹¹ *Шевцов Ю.* Новая идеология: Голодомор. М.: Европа, 2009. Книга опубликована в Москве, но ее автор — белорус.

⁹² Голод в СССР: 1930–1934 гг. М.: Федеральное архивное агентство, 2009.

⁹³ *Медведев Д.* Президенту Украины Виктору Андреевичу Ющенко. 2008. 14 ноября (<http://www.kremlin.ru/eng/text/docs/209178.shtml>).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ *Medvedev Tells Gazprom to Recover \$2.4 bln Gas Debt from Ukraine* // *RIA Novosti*. 2008. Nov. 20.

⁹⁶ Здесь я имею в виду государства—члены ЕС и Европейской комиссии. См.: *European Gas Supplies Disrupted* // *BBC News*. 2009. Jan. 6; *Energy Fuels New “Great Game” in Europe* // *BBC News*. 2009. Jun. 9.

⁹⁷ Поучительно было бы сравнить газовые конфликты между Россией и Украиной и между Россией и Белоруссией, с которой у России нет споров по поводу истории или национальной идентичности. Новый виток газового конфликта, имевший место в 2009 году, некоторые российские аналитики также связывают с проблемой Голодомора. См., например: *Булкина И.* В Киеве вспоминают о голоде и готовятся к холоду // *Ежедневный журнал*. 2008. 24 нояб. (<http://ej.ru/?a=note&id=8585>). Кроме того, в 2006 году министр иностранных дел России Лавров назвал Голодомор одной из двух главных причин конфликта между Россией и Украиной. См.: Лавров разобрался в отношениях с Украиной // *Московский комсомолец*. 2006. 10 нояб.

⁹⁸ По этому вопросу см.: *Schaller D.* From the Editors: Judges and Politicians as Historians? // *Journal of Genocide Research*. Vol. 9. No 1. 2007. P. 1–4.